

Постоянные дискуссии являются ярким выражением национального своеобразия русской культуры, одним из важнейших этапов отечественной интеллектуальной истории.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Славянофильство и западничество / И. С. Аксаков // Аксаков И. С. Сочинения : в 2 т. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1891. – Т. 2. – 500 с.
2. Бахтин М. М. Тетралогия / М. М. Бахтин ; сост., подгот. текста, научн. апп. И. В. Пешкова ; коммент. В. Л. Махлина, Н. К. Бонейской и др. – М. : Лабиринт, 1998. – 608 с.
3. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
4. Кондаков И. В. Глобалитет России (К постановке проблемы) / В. И. Кондаков // Культура на рубеже XX–XXI вв.: глобализационные процессы. – СПб. : Нестор-История, 2009. – 632 с.
5. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство – СПб., 2002. – 768с.
6. Лотман Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды. – М. : Языки русской культуры, 1994. – Т. 1. – 380 с.
7. Панфилов М. М. Феномен книжности в мировоззрении славянофилов / М. М. Панфилов. – М. : Пашков дом, 2004. – 208 с.
8. Селезнев Ю. И. Глазами народа: Размышления о народности русской литературы / Ю. И. Селезнев. – М. : Современник, 1986. – 347 с.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб. : А-сэд, 1994. – 408 с.
10. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы / Н. Г. Чернышевский // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. – М. : ГИХЛ, 1947. – Т. 3. – 403 с.
11. Шендрик А. И. Теория культуры / А. И. Шендрик. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 519 с.

ТРАДИЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОБЩЕСТВА

**З.Г. Агалавова
(Россия, Махачкала)**

В статье рассматривается роль и значимость традиционной культуры в современных исследованиях. В условиях глобализации и информатизации традиция становится связующим звеном с исторической памятью и помогает сохранить национально-культурную идентичность. Желание понять истоки, границы своей самобытности и вызывали стремление к изучению и осознанию национальной ментальности. Любая традиционная культура является частью культуры в широком смысле.

The part and importance of tradition culture in nowadays researches is studied. In modern conditions of globalization and informatization a tradition becomes a connection link with historic memory, helps to keep national-cultural identity. The willing to realize the roots, the borders of ones originality rose aspiration for studying national mentality. Any traditional culture is a consistent part of culture in the broad sense.

Ключевые слова: традиционная культура, традиция, этнос, ценности, культурное наследие, самобытность, инкультурация, диалог культур.

Key words: tradition culture, tradition, ethnos, values, culture heritage, originality, inculturation, dialogue of cultures.

В конце XX в. отмечается быстрое развитие процессов интеграции мировых культур. С одной стороны, происходит вымирание традиционных культур под влиянием процесса глобализации, культурного униформизма, а с другой – коммуникация носителей разных культур, их культурная полифония, наоборот, способствует принятию инокультурных ценностей. Возник целый комплекс проблем межкультурного взаимодействия: транскультурность, культурный плюрализм, трансляция языков культур, столкновение цивилизаций. При этом данные проблемы рассматриваются как в теоретическом плане, так и в историческом. Под влиянием вестернизации традиционные культуры представлялись пережитками, маргиналами и даже изгоями. Однако непрочность установок на обладание («жить, чтобы иметь») заставляет ис-

следовать альтернативные модели поведения, сосредоточенные вокруг соборности, бескорыстия, взаимопомощи, а это и есть традиционализм: «жить, чтобы быть».

Интерес к традиционной культуре в современных исследованиях существенно возрос. Это связано с тем, что в условиях глобализации и информатизации традиция становится связующим звеном с исторической памятью и помогает сохранить национально-культурную идентичность. Все это было связано, прежде всего, с процессом самоидентификации и самоопределения, на путь которого вступили многие народы нашей страны. Желание понять истоки, границы своей самобытности и вызывали стремление к изучению и осознанию национальной ментальности. Любая традиционная культура является частью культуры в широком смысле.

Мы находимся в период становления «многополярного мира», в котором наряду с процессом глобализации происходит массовое обращение народов, населяющих нашу планету, к своим истокам. Это мир, в котором будут жить следующие поколения, а поскольку поляризация означает противопоставление ценностей и интересов, выживание мира зависит от диалога культур. «Сейчас и Запад внимательно вглядывается в восточные философские традиции, находит там такие вещи, которые вдруг обретают новый смысл в современной жизни, хотя раньше считались малозначимыми и зачастую – мистикой или просто ненаучными рассуждениями. Современная мировоззренческая ситуация, как она складывается в мире, на повестку дня выдвигает проблему диалога культур. А диалог культур означает, что вы не просто навязываете какие-то жизненные смыслы своей культуры другой культуре, а вступаете с ней именно в диалог и находите нечто общее, то, что вас должно объединить при сохранении каждой культурой своей идентичности» [12, с. 27].

Нельзя построить демократическое экономически эффективное общество, уважающее традиции народов, его составляющих, без заинтересованного отношения молодежи. Изучение проблем инкультурации молодежи всегда увязывалось с поиском ключа к пониманию будущего, по причине того, что именно молодежь глубже всех других возрастных групп улавливает «дух времени», острее переживает и точнее различает в нем подлинность и фальшь. Ценностные ориентации определяют духовный стержень человека, выражают его отношение к миру и к самому себе, оказывают влияние на направленность и содержание социальной активности, наполняют жизнь смыслом, представляют основной канал усвоения человеком духовной культуры общества, превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения, являются системообразующим элементом мировоззрения.

Повышенный интерес исследователей к ценностной проблематике – это результат более глубокого понимания природы человеческого познания, его социокультурной обусловленности, целостности. Проникновение в закономерности познания позволяет обнаружить ценностный компонент не только сферах общественной жизни и культуры, но и в познавательных структурах и мировоззрении человека. Отсюда стремление исследователей к уяснению социокультурного статуса и специфики ценностного компонента, особенностей его взаимодействия с когнитивным компонентом познания, его роли в формировании объективно-истинного знания.

В условиях социально-экономических и политических изменений, происходящих в обществе, особенно трудно приходится молодежи с ее еще не устоявшимся мировоззрением, подвижной системой ценностей. Бездуховность и ее результат – потребительское – эгоистическое отношение к жизни порождают у многих молодых апатию, безразличие к себе и другим, что грозит потерей нравственного и духовного здоровья нации. Внимание к молодежи, ее социальным проблемам должно быть резко усилено. Определение средств, форм и методов работы с молодежью находится в прямой зависимости от знания экономических, возрастных, психологических и социальных особенностей данной группы населения, ее социального статуса, проблем и основных тенденций развития молодежной субкультуры в современных условиях.

Процесс социализации как передачи молодому поколению норм и традиций, выработанных предшествующими поколениями, нарушился, так как кардинально изменилась идеология. Старшему поколению сложно адаптироваться в нынешних

условиях, сохраняя прежнюю систему ценностей; молодому поколению еще сложнее в этом плане, так как у него своей системы ценностей еще нет, а если и есть, то условная... и вообще ценности как таковые для молодежи относительны. Ценностные ориентации – одно из важнейших образований в структуре сознания и самосознания человека, так как именно они отражают его характеристики как личности.

Традиция, являясь частью культуры, подвержена инновациям. Э.С. Маркарян под инновацией рассматривает способность системы для самосохранения приводить себя по принципу обратной связи в соответствие со средой. Если инновации принимаются социальной средой, то они в той или иной форме стереотипизируются и закрепляются культурной традицией [9, с. 59].

Само понятие «традиция» обладает широким семантическим полем, имеет множество значений. Слово это используется в обыденной речи, ему придается аксиологическое, ценностное значение. Следование традиции первоначально имело смысл – выживание и продолжение жизни предков в истории потомков.

Наиболее устойчивая сторона культуры любого народа – ее традиции, элементы наследия, которые сохраняются из поколения к поколению. Это позволяет нам сделать вывод, что в процессе жизнедеятельности человек формируется как культурно-исторический индивид. Его нравственные качества есть результат усвоения им языка, приобщения к существующим в обществе духовным ценностям, традициям, овладения присущими данной культуре приемами и навыками деятельности и т.д. Не будет преувеличением сказать, что культура представляет собой меру человеческого в человеке. И бесспорно, что каждый человек располагает громадным потенциалом к восприятию культурных ценностей и развитию собственных способностей.

Традиция оказывается воплощением связей человека с миром, обществом, предками, этносом, семьей. Эта связь, с одной стороны, ограничивает свободу и творчество личности, с другой – питает и наполняет индивидуальное существование энергией общества, рода, этнической группы. По словам Э. Фромма, человек, «который познал самого себя и свою способность ощущать одиночество, стал бы беспомощной пылинкой на ветру, если бы ему не удалось наладить эмоциональную связь с миром, которая удовлетворила бы его потребность: отнести самого себя к миру и быть с ним единым целым» [15, с. 104].

Благодаря тому, что человек остается связанным с обществом традициями, он «добивается комфортного существования в мире, однако платит за этот комфорт непомерно высокую цену – становясь подчиненным, зависимым, а также соглашаясь на блокировку развития своего разума» [16, с. 105].

Э.С. Маркарян дает определение традиции как «выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путём пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [10, с. 116].

Можно рассматривать традицию как нечто, находящееся в процессе постоянного изменения. В традиции присутствуют в двуединстве креативная – творческая и консервативная составляющие. Однако характер изменений в традиционном обществе не произволен.

Для объяснения своего понимания термина «традиция» С. Эйзенштадт прибегает к предложенной в начале 60-х гг. XX в. Э. Шилзом концепции центральной зоны культуры – «неподвижного, изменяющегося стрежня культуры, вокруг которого сосредотачивается подвижная, изменчивая культурная периферия». Если исходить из этой трактовки, традиционная народная культура может рассматриваться как устойчивое «ядро», а этнос как носитель традиции [2, с. 128].

Несколько иначе проблема традиции разработана в социологии Э. Шилз. Он увидел недостаток в объяснении традиции как повторяемости структур поведения и характера верований в течение длительного времени, а традиционного общества – как «прецедентного» и подверженного медленным переменам. Э. Шилз предположил, что поверхностные объяснения в социологии есть результат заикленности на коротких исторических фазах развития, когда механизм легитимации прошлого работает нерелексивно, лишь на основании того, что это прошлое. Изучение истории

отличается от изучения традиции тем, что в первом случае мы имеем дело с прошлым, а во втором – с тем, как люди относятся к прошлому. Он подошел к раскрытию сущности традиции как преемственности представлений и веры в легитимность авторитета, принимаемого в качестве передатчика [17].

Другим интересным вкладом Э. Шилз в теорию традиции является анализ прошлого как объекта привязанности. Дело в том, что при функционировании преемственности традиционной культуры неосознанно принимается мнение, что прошлое лучше настоящего. Э. Шилз объясняет этот психологический аспект представлениями о первоначальном контакте со священным началом, а также реминисценциями «золотого века». Эти идеи окажутся плодотворными при разработке традиционной культуры, ориентированной на прошлое и видящей во времени активное преобразующее начало, а не просто атрибут материи. Э. Шилз, однако, считал, что традиционные представления неизбежно постепенно меняются.

По мнению Л.Н. Гумилёва, этническая традиция включает в себя культурные и мировоззренческие устои, формы общежития и хозяйства, имеющие в каждом этносе неповторимые особенности. Фундаментом этнической традиции служит стереотип поведения [5, с. 52].

Традиции – это социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени [3, с. 44].

В истории человечества существуют три основных типа отношений к традиции. Первый тип – это «традиция как всеобщий закон» – тип отношений, характерных для гомеостатических обществ. Следование традиции охватывает все сферы жизнедеятельности. Отступление от традиции равнозначно преступлению и карается общественным мнением. Второй тип отношений – «традиция как основа духовного бытия» – характерен для общества так называемого «традиционного» типа. Третий тип отношений – «традиция – источник отрицания, движения к новому» как одна из необходимых сторон, составляющих противоречие, – характерен для общества «инновационного» типа. Его особенностью является не просто «голое» отрицание традиции, отказ от неё, а утверждение нового посредством конструктивной критики старого. Традиция и здесь выступает необходимой составляющей развития, но не сама по себе, а как средство для рождения нового знания [4, с. 165].

В эпоху Просвещения понятие «традиция» рассматривается как совокупность предрассудков. Ф. Бэкон, О. Конт, К. Маркс ожидали от будущего «детрадиционализации», избавления от всего старого, привычного и инерционного.

В. Виндельбанд, Г.Г. Гадамер одними из первых сделали позитивный задел в изучении гносеологического значения памяти, традиции. В фокусе внимания Э. Гуссерля оказалась традиция как автономное смысловое образование, потеря достоверности в научной традиции по мере удаления от первоначальных смыслов [6, с. 65]. Впервые термин «традиция» стал использоваться в значении передаваемых канонов, по которым строится общество, в отличие от прошлого понимания традиции как обычая.

М. Дюфрен указал на отличие традиции как факта, объективированного, в институтах от субъективного присутствия прошлого в нас [7].

К.Р. Поппер обосновал абсурдность деклараций освободиться от традиции, так как новое общество, построенное на «развалинах» традиции, быстро подвергается старению и становится все более «традиционным» или переходит от одной традиции к другой [11]. Он также предлагал делить общество на два типа – закрытое и открытое. Открытое общество – плюралистичное, индивидуалистическое, демократичное, рыночное. Ему противостоит закрытое общество с идеалами традиционализма, патриархальности, коллективизма, патернализма.

В отечественной науке серьезным изучением традиции занимался Б.С. Ерасов. Исследователь проследил переосмысление понятия «традиция» в ходе возвышения культурных факторов самоопределения [8]. Содержание этого понятия постепенно перераспределилось между идеологически нейтральными «самобытность», «идентичность», «специфика», «культурное наследие». «Самобытность» была признана жизненным ядром культуры, динамическим принципом, соединяющим личность и

народ с ценностями своей цивилизации. Как оказалось, использование понятия «самобытность» больше отвечает потребностям политических отношений, его можно применять в ряду с понятиями «независимость», «суверенитет».

Тем не менее, следует продолжить разработку сущности и функционирования традиции, так как эта проблема еще не исчерпала себя. «Самобытность» является более аморфным понятием, его можно прикрепить к любой этнической группе, в отличие от «традиции», которая имеет свои уровни, структуру. «Самобытность» также лишена преемственности, наследования, что очень важно при коммуникативной характеристике культуры.

В работе И.С. Саковича «традиция» понимается как «живой и органический канон человеческого бытия, в котором человек удовлетворяет свои глубинные антропологические и экзистенциальные (традиционно-генные) потребности» [13, с. 24].

В качестве традиционно-генных потребностей И.С. Сакович называет потребность в социально-духовном становлении, в объективности как форме субъектного человеческого существования, в человеческих смыслах бытия, в устойчивом бытии, в поиске самоидентичности. И.С. Сакович дает комплексную характеристику традиционного общества: доинформационное, доиндустриальное, докапиталистическое, экономическое, персоналистическое (не массовое). Это отличается пространственно временной стабильностью, медленным темпом изменения. Будущее культуры находится в точке неопределенности и зависит от каждого человека. Традиция – это не пепел для хранения, а огонь, который горит в сердцах носителей традиции. Традиция не сохраняется просто самой жизнью, это нить над бездной, для сохранения которой необходимо напряжение и борьба. При этом локальное замыкание традиции для благополучного спасения в ней нежизнеспособно, как неизбежно безжизненны замкнутые системы. Альтернативный вариант сохранения традиции возможен, по мнению И.С. Саковича, ни в модели закрытого общества, ни открытого, а в модели устойчивого общества.

И.С. Сакович прогнозирует модель будущего устойчивого общества, общества, которое должно быть надежно защищено культурой в отношениях общения. Человек в устойчивом обществе – это целостный чувственно-рациональный индивид; традиционная, историческая и гуманная личность. При этом активность членов такого общества осуществляется по нелинейной стратегии: «постоянное движение с целью выживания, удержание динамического равновесия, отстаивание своей идентичности в волнах размывающих ее процессов, становится спасительным для человечества в информационную эпоху, сохраняющим его генотип, что применительно к той или иной культуре означает сохранение традиции» [14, с. 160].

Нравственное сознание и национальное самосознание, традиционная культура не формируются по заказу. Но в растущем человеке их можно сформировать путем усвоения народного опыта, понимания и переживания жизни данного этноса, через изучаемые учебные дисциплины, если интегрированы в них различные отрасли науки и духовная традиционная культура народа. Н.А. Бердяев отмечал, что в результате обращения к историческим судьбам народов, их взаимоотношениям, более глубоко познается внутренняя жизнь каждого народа, а это приведет к более эффективному формированию национального самосознания и самочувствия. «Чужую национальную душу может чувствовать и узнать лишь тот, кто чувствует и знает собственную национальную душу» [1, с. 276].

Список литературы

1. Баева Л. В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей : монография / Л. В. Баева. – Астрахань, 2008.
2. Бердяев Н. А. Судьба России – опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. – М., 1990.
3. Бромлей Ю. В. Этнографические аспекты изучения человека. Человек в системе наук / Ю. В. Бромлей. – М., 1989.
4. Бромлей Ю. В. О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности / Ю. В. Бромлей // Советская этнография. – 1983. – № 6.
5. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М., 1992.

6. Ерасов Б. С. Традиция: проблема перегрузки категории в формационном анализе / Б. С. Ерасов. – М., 1989.
7. Маркарян Э. С. О значении междисциплинарного обсуждения проблем культурной традиции / Э. С. Маркарян // Советская этнография. – 1981. – № 3. – С. 59–71.
8. Маркарян Э. С. Очерки теории культуры / Э. С. Маркарян. – Ереван, 1969.
9. Сакович И. С. Эволюция традиции в культуре новационного общества : дис. ... канд. филос. наук / И. С. Сакович. – Н. Новгород, 2004.
10. Степин В. С. Интернет еще не стал философией: Интервью А. Ваганова у В.С. Степина, А.А. Гусейнова о «Новой философской энциклопедии» / В. С. Степин, А. А. Гусейнов // НГ-Наука. – 2001. – № 6 (42).
11. Фромм Э. Революция надежды / Э. Фромм. – СПб., 1999.
12. Dufren M. Note sur la Tradition / M. Dufren, 1947; La personality de base. Un concept sociologique, 1953.
13. Popper K. R. Criticism and tradition / K. R. Popper, 1963.
14. Shils E. Tradition and Liberty: Antinomy and Interdependence / E. Shils, 1958; Tradition, 1981.

**ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА НАЧАЛА XX в.
(на примере экскурсий для учащихся Астраханской гимназии 1902, 1903 и 1904 гг.)**

**В.С. Дрягалов, П.Л. Карабушенко
(Россия, Астрахань)**

В статье анализируется опыт внедрения образовательных экскурсий в программы российских учебных заведениях начала XX в. Основной упор делается на изучение практических наработок, применяемых в Астраханской гимназии. В качестве исследуемого первоисточника выступает труд С.А. Богатырева «Поездка учеников Астраханской гимназии в Москву и поволжские города летом 1902 г.», изданный в городе Астрахани в 1903 г.

In the article the experience of introduction of educational excursions in programs of the Russian educational institutions of the beginning of XX century is analyzed. The basic emphasis is done on studying of the practical operating time applied in the Astrakhan grammar school. As the investigated primary source we took the monograph of S.A. Bogatyryov «The Trip of the pupils of the Astrakhan grammar school to Moscow and Volga region cities as summer of 1902», published in city of Astrakhan in 1903 acts.

Ключевые слова: экскурсия, образование, туризм, «Человек Путешествующий».

Key words: regional, educational, tourism, a person who travels (globe trotter).

В конце XIX – начале XX в. в России происходит переосмысление значения гуманитарных экскурсий в образовательном процессе. В журналах ярко выраженной туристической направленности, таких как «Записки Крымского горного клуба», «Русский турист», а также «Русский экскурсант» (этот ярославский журнал долгое время был признанным лидером среди экскурсионных изданий), появляются первые статьи, посвященные экскурсионному делу среди учащихся.

В частности, петербургский профессор И.М. Гревс одним из первых в своих трудах дал обоснование дальней экскурсии как одному из «лучших орудий образования», считая ее возбудителем «целых серий новых образовательных течений, процессов, познаний, эмоций, волений, созиданий». Анализируя природу экскурсии, оценивая ее значение, И.М. Гревс пришел к выводу, что дальняя экскурсия «должна оставаться особым, заслуженным событием школьной жизни» [4, с. 5].

Надо заметить, что теоретические выкладки и философские размышления И.М. Гревса базировались не на пустом месте. Первые сведения о проведении экскурсий для детей относятся ко второй половине XVIII в., когда передовые российские педагоги высказывались о целесообразности организации для детей прогулок на природу [5]. Одним из первых экскурсионную деятельность начал декабрист И.Д. Якушкин, работавший в Ялуторовской женской гимназии. Широкою известность в учительской среде России получила экскурсионная деятельность Александровской учительской школы в Тифлисе, преобразованной в дальнейшем в учительский институт [9, с. 78]. Развитию такой формы образовательной деятельности спо-